

К истории понятий

Эпонимы русской культуры в психографии интеллигенции

Бакшутова Екатерина Валерьевна

Самарский государственный социально-педагогический университет, Россия

e-mail: bakshutka@gmail.com

Аннотация. В статье показано, как формировалась каноническая психография интеллигенции, представленная в сборнике «Вехи», актуальная и сегодня в критике главного российского социального субъекта. Представлены результаты эмпирического исследования материалов журнала «Русская мысль», где через эпонимы русской и мировой культуры конструируется и образ интеллигенции, и ее либеральная идеология, и дискурсивные стратегии.

Ключевые слова: интеллигенция, эпоним, психография, дискурс, канон, апокриф, динамика, социальный субъект.

Eponyms of Russian culture in psychographics of intelligentsia

Bakshutova Ekaterina Valerievna

Samara State University of Social Sciences and Education, Russia

e-mail: bakshutka@gmail.com

Abstract. The article shows how the canonical psychography of the intellectuals was configured which was presented in the book «Milestones» which is relevant today in critics of Russia's main social subject. The results of empirical studies of materials of the magazine «Russian Thought», where the image of the intelligentsia, its liberal ideology and discursive strategies are constructed through the eponyms of Russian and world culture.

Keywords: intellectuals, eponym, psychography, discourse, canon, apocrypha, dynamics, social subject.

В последнее время немало ругательных слов летит в сторону интеллигенции. По словам Д.Л. Быкова, вся аргументация сегодняшняя уже была предсказана в сборнике «Вехи» [4]: интеллигенция виновата в том, что образование ее непоследовательно и узко, дома она не умеет навести порядка, не знает она философию и не хочет ее знать, от народа она оторвалась, и главное – страшно нетерпима к чужому мнению [3]. И даже обвинение в увлечении порнографией откликается в дне сегодняшнем. А обобщая интонации сборника, можно еще и отметить некое трусливое подобострашие перед лицом власти.

Многолетний исследовательский труд и опыт презентации его результатов показывает, сколь важна проблема интеллигентской самоидентификации. Невозможно отрицать все эти обвинения, как и то, что интеллигенция – самый образованный слой общества, и единственный мыслящий и действующий субъект в нашей стране, «единственное действующее лицо исторического процесса» [3]. Такое противоречие между самообвинением и самовозвеличиванием усложняет самоидентификацию, хотя большинство участников интеллигентских дискуссий, особенно среди психологов как профессионального сообщества, располагающего возможностями тонких инструментов идентификации, требуют назвать или точные характеристики интеллигенции, либо точно перечислить поименно всех подлинных интеллигентов. Требование это невыполнимо, поскольку интеллигенция развивается, и каждый выбирает для себя в качестве эпонима интеллигенции лишь знакомый или удобный по каким-то параметрам прототип.

Психологический портрет интеллигенции, представленный в «Вехах», формировался на страницах литературно-политического издания «Русская мысль» (1880-1918 гг.), и на протяжении 39 лет это не была какая-то одна непрерывная линия. Будучи одним из самых авторитетных и долго живущих «толстых» журналов конца XIX – начала XX вв., «Русская мысль» не только описывала жизнь и психологию образованной России, но и формировала ее. На страницах журнала создавался образ интеллигенции, оттачивались ее определения, бушевала полемика относительно ее характера и психологического склада. Уникальность издания состоит в том, что это был журнал об интеллигенции, для интеллигенции, и создавался он интеллигенцией как коллективным автором.

В журнале мы видим как открытое обсуждение проблемы интеллигенции, складывающееся в психографию – самописание. Также журнал представляет нам и не очевидную психографию, объективированную текстом и раскрывающуюся в параметрах письменной ментальности, таких как

темпоральность, авторская, жанровая и тематическая динамика, наррадика либерального дискурса. В текстах журнала конструируется социально-психологический дискурс русской интеллигенции, осуществляется ее формирование в качестве социальной группы с особыми дискурсивными правилами, актуальными и сегодня.

Для того, чтобы описать психологический портрет интеллигенции, складывающийся в дискурсивном процессе, который представлен журналом «Русская мысль», нам потребовалось выявить тот круг имен, который участвует в его создании, для чего был выявлен весь авторский состав журнала (377 русских писателей и поэтов, 316 – зарубежных, 1211 публицистов), упоминаемые персоналии (2350 имен), жанры, тематический состав издания и их динамика во времени [1].

Мы полагаем, что художественные произведения, публиковавшиеся в журнале «Русская мысль», не просто отражали эстетические предпочтения интеллигенции, но и осуществляли преемственность традиций русской культуры, значимых имен, закрепляя и сохраняя ценности российской ментальности. Научные же статьи и публицистика отображали, главным образом, актуальный изменяющийся во времени образ мира, социальные представления, идеалы, идеологию.

Изучение художественной прозы, анализ ее авторского состава показал, что многие из имен, опубликованных в «Русской мысли», прозвучали один-два раза, не остановившись ни на страницах журнала, ни в истории культуры в целом. Этот круг авторов (увеличивающийся к 1909-1910 гг.) представляет слой индивидуальных нарративов, случаев, эпизодов, человеческих историй; на наш взгляд, он отражает чувственную сферу ментальности русской интеллигенции и относится к «быстрой» темпоральности ментальности.

Произведения авторов, уже считавшихся классиками к 1880-м гг. XIX в. (А.С. Пушкин, И.А. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и др.) в журнале почти не публикуются, но они – полноправные «участники» дискурса – им посвящаются критические статьи, биографические заметки, исследования, объединяющие одновременно несколько авторов (например, Гоголь, Паскаль и Руссо). Эти реминисценции и цитирования поддерживают «медленный» слой письменной ментальности, составляющий канон мировой культуры: категории и количество упоминаемых персоналий отражает систему авторитетных образцов, определяющую отношение интеллигенции к русской и западной традиции просвещения. Поскольку действительность того времени не представляла образцов для подражания, то «нет ничего удивительного в том, что в наше глухое время замершей на поверхности жизни, главными

общественными событиями являются смерти и похороны, и юбилеи умерших» (1910. №11, с.149). Оказалось, что самую значительную группу (57%) упоминаемых эпонимов составили беллетристы, философы, деятели культуры и искусства, историки – те, кому отводится роль в описании, анализе и интерпретации действительных фактов; 14% представлены государственными и политическими деятелями, т.е., теми, кем принимаются решения и направляется политический дискурс; 7,6% – ученых и 7,9% людей, связанных с непосредственным устройством и воплощением принятых и описанных решений. Такое распределение отражает направленность русской интеллигенции в сферу изящную и умозрительную, в дискурс литературно-политический скорее, чем только в дискурс политический или «производственный». И, хотя ни А.С. Пушкин, ни Л.Н. Толстой не были интеллигентами, последняя без них не состоялась бы, поскольку «интеллигенция является скриптосообществом, т.е. исторически, социально, культурно и психологически вырастает из субстрата письменной культуры» [6, с. 248].

Наше исследование выявило авторов, наиболее популярных в конце XIX-начале XX вв., из которых мало кто сохранил свою известность и значимость до наших дней (среди них – П.Д. Боборыкин, Н.К. Бобылев, В.Я. Брюсов, З.Н. Гиппиус, Вас.И. Немирович-Данченко, И.Н. Потапенко, И.А. Салов, Н. Северин, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Н.И. Тимковский, А.В. Тыркова-Вильямс, Г.И. Успенский, А.П. Чехов, А.И. Эртель), но в свое время были авторами, участвующими в создании интеллигентской канонической в разные периоды психографии.

Таким образом, весь корпус имен, существующий в журнале, может рассматриваться не столько как совокупность индивидуальных талантов, сколько как проявление социального функционирования литературы, и, в частности, ее участия в формировании русской интеллигенции как группы и ее сознания. Это касается и авторов научных и публицистических материалов, поскольку журнал был не только литературным, но и политическим. Из 1211 авторов – ученых, политических, государственных деятелей, публицистов – 56% поместили в журнале только по одной публикации. И только 2,2% авторов представляют собой ту группу, которая действительно формирует и редакционную политику, и политический дискурс «Русской мысли».

Большинство авторов – как мало, так и широко известных, выступают объектами интеллигентской картины мира, контекстом, в котором протекает отрефлексирование интеллигенцией своей собственной социальной роли. В собственно интеллигентском дискурсе участвуют субъекты – канонические

авторы, которые объединены в журнале по проблеме интеллигенции. Авторы, выражающие типичные психологические черты интеллигенции, победившие (продолжительно и интенсивно публикующиеся в журнале) в борьбе за создание ее психологического портрета. В этой борьбе отражается процесс складывания интеллигенции как социальной дискурсивной общности, включающий в себя три периода. (В качестве критериев нашего деления на периоды – исторические данные; периодизация, принятая в истории журналистики; авторы, определяющие литературный процесс в тот или иной период времени; данные, полученные при качественном и количественном анализе исследуемого объекта). Таким образом, в поисках внутренней логики развития издания, мы выделили следующие периоды как журнала «Русская мысль», так и психографии интеллигенции, дискурса либерализма и др.: I период – 1880-1890 гг.; II период – 1891-1905 гг.; III период – 1906-1918 гг.).

Для текстов, определяющих портрет интеллигенции в 1880-1890 гг. типичными являются следующие характеристики: тоскующая; скучающая; в самом нелепом положении; романтически настроенная душа; главнейшая вина русской интеллигенции; замирание сердечное; совершенные иностранцы в родной земле; чуткая душа; запросы совести; форма свободной человечности, пролетарии умственного труда.

Из всего ряда авторов I-го периода, максимально представленных по разным параметрам, самыми репрезентативными являются Г.И. Успенский и Н.В. Шелгунов, две мощные фигуры психографов интеллигенции, однако ни сами они как авторы, ни их концепции интеллигенции не перешли в следующий период. Их видение интеллигенции было более связано с осмыслением прошлого, народнического, опыта, и не предлагало перспектив.

Необходимо отметить, что в каждый из периодов основная, каноническая для этого периода психография интеллигенции, дополняется альтернативной, апокрифической, которая представлена авторами, которые перейдут в следующий период, где их представления об интеллигенции уже сделаются в свою очередь, основными, более адекватными самопредставлению интеллигенции следующих лет. «Шелгуновско-Успенская» наррадика дополняется влиянием более бодрого, оптимистического видения интеллигенции. В 1880-1890 гг. такими апокрифическими характеристиками выступают: страстная любовь к делу; энтузиазм; терпение; глубоко-радостное чувство; потребность в творчестве оригинальных либеральных идей; самое заботливое внимание. Этот образ интеллигенции связан с именами людей, которые станут основными авторами и психографами интеллигенции в 1891-1905 гг.: В.А. Гольцев, редактор издания, публицисты и писатели, как

Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.И. Эртель, В.И. Семевский, Л.А. Камаровский, П.Д. Боборыкин.

П.Д. Боборыкин в журнале занимает особое место, что объясняется сочетанием исключительной литературной плодовитости с литературным долголетием. Кроме того, он, по собственному его утверждению, популяризовал термин «интеллигенция» в России и был один из главных ее психографов в русской литературе.

Этому писателю удается создать литературный психотип интеллигенции «как самой образованной и лучшей части общества», что находит отклик и в публицистике 1891-1905 гг., выраженный в эпитетах: духовная интимность; молодежь бодрее и сознательнее смотрит на жизнь; умственный и нравственный подъем; образованная женщина всего скорее оздоровит и облагородит нашу семейную и общественную жизнь; уверенность русских в своем превосходстве. Одновременно с «продвижением» позитивного образа интеллигенции, именно в этот период в журнале увеличивается количество публикаций, посвященных актуальным вопросам повседневности – экономике, образованию, здравоохранению и т.п., что служит свидетельством адаптивности интеллигенции этого периода к социально-экономическим обстоятельствам, осознания своей практической полезности.

Однако П.Д. Боборыкин вместе со своей психографией интеллигенции за пределы первого и второго периодов не переходит. Параллельно с оптимистическим образом интеллигенции, в журнале зарождается другая тенденция, которая станет определяющей в «Веховский» период. Апокрифические описания интеллигенции 1891-1905 гг.: упадок нравов в творчестве; необходимость общей нервно-психической гигиены; аскетические недуги нашей интеллигенции; дилетанты, любители; общество точно одичало.

Эта линия связана, прежде всего, с творчеством А.П. Чехова, который не стремился к выделению интеллигенции из общества и не считал интеллигенцию лучшей его частью. Писатель оказался предвестником «Вех», канонической фигурой для III-го периода, где в критике интеллигенции и призыве к рефлексии формируется канонический образ интеллигенции, отбираются и входят в этот канон наиболее значимые в художественном, публицистическом, идейном смысле тексты журнала. В этот период (1906-1918 гг.) определяется представление об интеллигенции начала XX века, которое и составляет основу самоописаний интеллигенции, ее классической психографии, представленной статьями сборника «Вехи» (1909-1910 гг.): в интеллигентском познании поиск истины замещён отстаиванием социальной справедливости; героизм русской интеллигенции демонстративный, поверхностный; ее

самосознание сужено набором стереотипизированных социальных идеалов; русская интеллигенция недостаточно рефлексивна; русская интеллигенция недисциплинирована, законопослушна, не уважает права личности; отщепенство, отчуждение от государства и враждебность к нему.

В журнале «Русская мысль» в этот период (в отличие от 1880-1890 гг., когда «пессимистический» взгляд на интеллигенцию дополнялся «оптимистическим») не возникает никакой другой характеристики интеллигенции. Отсутствие апокрифических представлений об интеллигенции, имеющих позитивный характер, свидетельствует о канонизации мифа, который был отражен в сборнике «Вехи», представляющем фанатизм, максимализм, безрелигиозность, утилитаризм, оторванность от реальности – атрибуты негативного мира – как типические черты интеллигенции. Образ законченный, но не целостный. Неслучайно публикация в сборнике «Вехи» ведущих авторов «Русской мысли» вызвала острую критику. Именно в условиях революции 1905–1907 годов оформляются когнитивно-культурные практики интеллигенции, опирающиеся на антиномичность, аксиологичность и самореференцию.

Нами отмечалось, что складывание психологического портрета интеллигенции, ее психографии, отражает дискурсивный процесс становления интеллигенции как социальной общности. Согласимся с Р. Бартом, что «каждое общество имеет свой режим правды, свою «общую политику» правды: а именно типы дискурсов, которые оно принимает и заставляет функционировать как правда; механизмы и требования, которые позволяют разграничивать истинные и ложные высказывания; техники и процедуры, предоставляющие ценность в принятии истинности; статус тех, которым даётся право говорить, что признаётся в качестве правды» [2, с.131]. Поскольку к наиболее фундаментальным характеристикам дискурса относят функциональность, обусловленность культурой и иерархическую организацию [5, с.49)], то особенность социально-психологического дискурса состоит в том, что он протекает в групповом контексте и производится группами членства. В нашем случае социально-психологический дискурс осуществляет создание и самоопределение группы участия интеллигенции. При этом интеллигенция выступает как дискурсивная общность. Реальными членами этой группы были профессора, гимназисты, чиновники, дворяне и др. Интеллигенцией они становятся, включаясь в определенный контекст и порядок речи – как авторы и читатели журнала. Характер дискурса русской интеллигенции, представленный журналом «Русская мысль», определяется занимаемой им политической нишей – печатный орган русского либерализма. В «Русской мысли» отмечалось, что

«у нас журнал являлся и до сих пор является политическим учреждением» (1881. № 2. С. 386). Действительно, внутри дискурса интеллигенции журнал «Русская мысль» представляет собой наиболее четко организованную либеральную политическую фракцию, представленную индивидуализированными размышлениями о судьбе русской интеллигенции и страны, ориентированную на просвещение, постепенное развитие личности, но не стремящуюся к радикальным немедленным действиям.

В журнальном, социально-психологическом, дискурсе воплощается способ поведения, мышления, мироощущения интеллигенции, ее «веховского» типа. Ее программа, в отличие от народнической и марксистской, макросоциальных и утопических, представляет собой теорию «малых дел», является личностной. Малые дела ведутся с учетом человека, личности. Либеральный «веховский» реформизм предполагает соразмерность общественных, экономических, политических изменений человеку, макро и микроистории. Либеральный дискурс – порядок речи, вводящий поправку человека в социальные изменения, предлагающий не ломку и строительство личности, но ее принятие и рефлексии. Мы стали свидетелями того, что история повторяется, поскольку базовый ценностный слой – ментальность – остался неизменным.

Список литературы:

1. Бакшутова Е.В. Хронологически-тематический указатель содержания журнала «Русская мысль»: Ежемесячное литературно-политическое издание» за 1880–1918 гг.: Научно-информационное издание. Самара: Офорт, 2004.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
3. Быков Д.Л. Лекции по литературе: 1909 – сборник «Вехи» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://predanie.ru/bykov-dmitriy-lyovich/audio/279456-1909-sbornik-vehi/#description>.
4. Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909-1910. М.: Молодая гвардия, 1991.
5. Иванченко Г.В. Дискурс толерантного и интолерантного субъектов // Скрытое эмоциональное содержание текстов СМИ и методы его объективной диагностики / Под ред. А.А. Леонтьева и Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. С. 44–56.

6. Шкуратов В.А. Интеллигенция в проекте современности // Логос, 2005. № 6. С. 243–252.

References:

1. Bakshutova E.V. Hronologicheski-tematicheskij ukazatel' sodержaniya zhurnala «"Russkaja mysl'": Ezhemesjachnoe literaturno-politicheskoe izdanie» za 1880–1918 gg.: Nauchno-informacionnoe izdanie. Samara: Ofort, 2004.
2. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika. M.: Progress, 1989.
3. Bykov D.L. Lekcii po literature: 1909 – sbornik «Vehi» [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <http://predanie.ru/bykov-dmitriy-lvovich/audio/279456-1909-sbornik-vehi/#description>.
4. Vehi; Intelligencija v Rossii: Sb. st. 1909-1910. M.: Molodaja gvardija, 1991.
5. Ivanchenko G.V. Diskurs tolerantnogo i intolerantnogo sub#ektov // Skrytoe jemocional'noe sodержanie tekstov SMI i metody ego ob#ektivnoj diagnostiki / Pod red. A.A.Leont'eva i D.A.Leont'eva. M.: Smysl, 2004. S. 44–56.
6. Shkuratov V.A. Intelligencija v proekte sovremennosti // Logos, 2005. № 6. S. 243–252.

Сведения об авторе:

Бакшутова Екатерина Валерьевна, доктор философских наук, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Самарского государственного социально-педагогического университета (Россия)